

1961

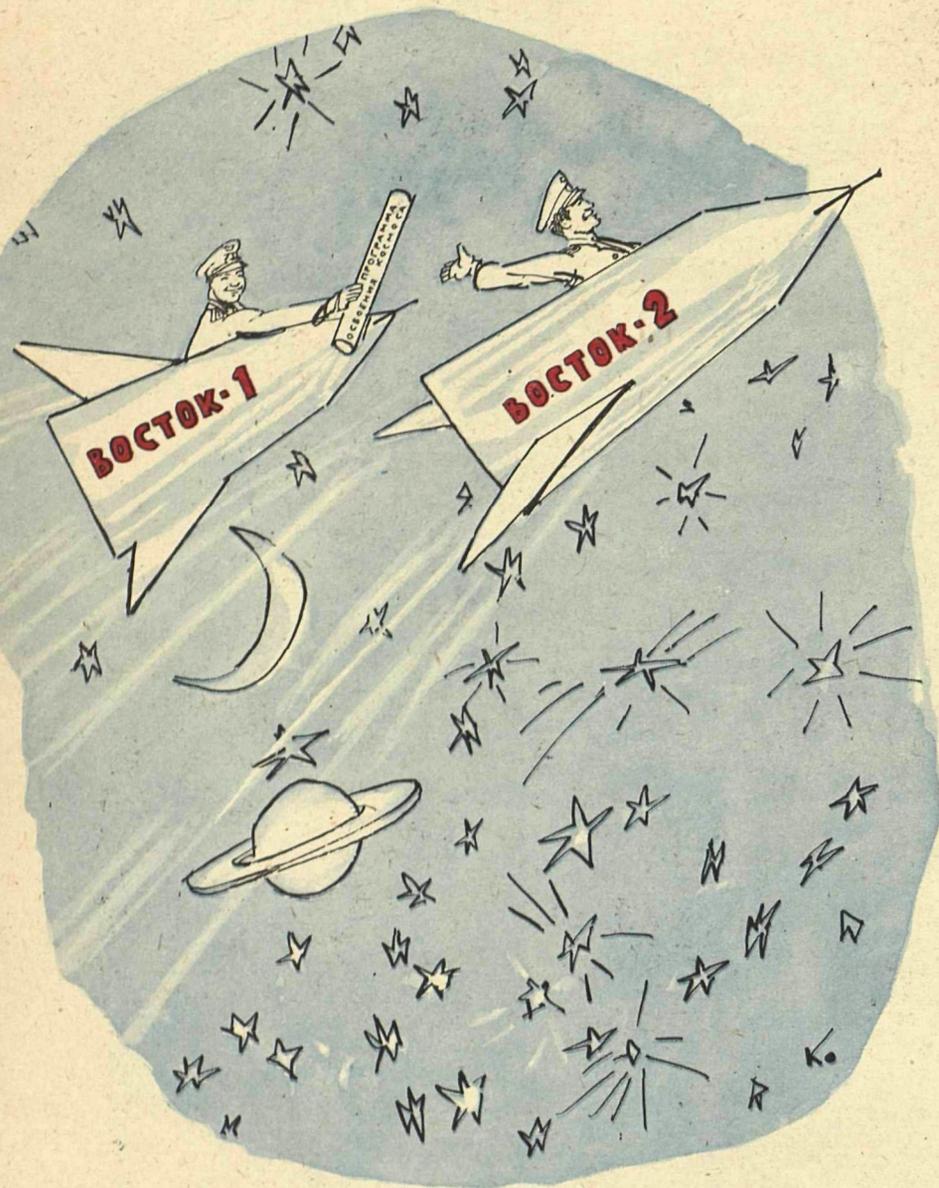
1919

1903

ПРОГРАММА
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

ПО ТОЧНОМУ ГРАФИКУ

КРОКОДИЛ

ЗВЕЗДНАЯ ЭСТАФЕТА

Еще орбиту славы продолжая,
Над Кубой набирая высоту,
Летит Гагарин, Землю окружая,
Уже не на «Востоке», а на «ТУ».

Еще ему газеты и поэты
Не высказали всех горячих слов,
А в космосе уже вокруг планеты
Летит как продолжатель эстафеты
Его товарищ — космонавт Титов.

А сколько их еще в народной гуще —
Героев, что последуют за ним!
Их каждый подвиг будет
предыдущим,
И беспримерным,
и очередным.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

* * *

Снова взлет! Хвала и честь герою!
Слава двум, кем в космос путь открыт!
Не звезда, как прежде, со звездой,
А майор с майором говорит.

Эмиль КРОТКИЙ

МАЯКАМ — СВЕТИТЬ!

Это случилось как раз в те дни, когда из газет и радио люди только что узнали о двух замечательных документах нашей эпохи: проектах Программы и Устава Коммунистической партии Советского Союза. И случилось это на улице.

После того, как прошла поливальная машина и светофоры замигали зелеными глазками, с противоположных тротуаров двинулись люди. И вот на самой середине улицы упала женщина. Поскользнулась на мокром асфальте и упала. И тут все, кто оказался поблизости, бросились на помощь. Двое помогли женщине подняться. Третий подал обретенную сумку, четвертый и пятый собрали высыпающиеся на мостовую покупки. Шестой...

Шестой никуда не бросился, хотя он находился ближе всех к пострадавшей. Он продолжал шествовать так же невозмутимо, будто ничего не случилось. У него был такой вид, словно он один в безбрежной пустыне и за тысячи километров вокруг него нет ни души.

Тогда кто-то сказал ему:

— Что же вы, дорогой товарищ, так оплошали? Надо было помочь женщине!

И тут человек преобразился. От его безмятежности и невозмутимости не осталось и следа. Благородный гнев переполнил все его существо:

— Как вы смеете делать мне замечания! Кто учил вас останавливать на улице незнакомого человека и читать ему нотации? Да разве я дал повод к этому, разве я задел кого-нибудь, обидел, оскорбил? Вы мне предъявляете какие-то обвинения, но по какому праву?

Я не стал дослушивать гневной тирады до конца, но про себя подумал: а что, если возмущение этого человека справедливо?

В самом деле, что он сделал? Нарушил одну из статей уголовного кодекса? Попрал какие-то административные правила? Не выполнил обязательного постановления исполкома?

Нет, он не сделал ни первого, ни второго, ни третьего.

Кто бы ни был этот человек — лектор или водитель троллейбуса, зубной техник или продавец магазина, — он наверняка читал проект Программы КПСС. И отлично знает, что решение задач коммунистического строительства будет осуществляться у нас последовательными этапами.

Да, он хорошо усвоил, чего мы достигнем за ближайшие десять лет и что ждет нас во втором десятилетии. Во всем, что касается объема промышленного производства и роста производительности труда, развития сельского хозяйства и повышения уровня науки и культуры, улучшения бытовых условий и условий труда.

И он, наверное, вообразил, что можно вот так же, по этапам, распределить рост и совершенствование своего нравственного облика. От и до. Все, чего он обязан достигнуть в нравственном отношении к 1970 году и с чем его лучше не беспокоить до периода 1971—1980 годов.

Да, он без особенных оговорок принимает один из нравственных принципов строителя коммунизма —

гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат.

Но считает возможным для себя пока не во всем и не всегда следовать этому принципу.

И вообще с предъявлением высоких моральных требований к человеку, по его мнению, спешить не следует. А когда ему мягко напоминают ту простую истину, что чем выше будет сознательность каждого из нас, тем быстрее мы придем к коммунизму и посему неплохо было бы нравственные принципы общества будущего внедрять в нашу жизнь уже сейчас, он возмущается.

— Как, вы хотите, чтобы я вел себя в трамвае паинькой, не давал под бока ближним своим и не добавлял к слову «кондуктор» малохудожественные эпитеты? Но по какому праву? Коммунальный транспорт пока что у нас еще не бесплатный!

Нет, вести себя пристойно на данном этапе он пока не согласен. Так сказать, морально не подготовлен. Не созрел. Другое дело — через десяток лет. Тогда еще можно будет поговорить...

Вот какие мысли навеял на меня случай на улице.

Можно, конечно, стать на точку зрения гражданина, не нарушившего ни одного писаного параграфа и возмущившегося тем, что кто-то посмел апеллировать к его душевной отзывчивости.

А можно и по-другому. Можно уже сейчас судить во всеуслышание такие поступки людей, такие их действия и взгляды, которые пусть и не колеблют какие-то параграфы, но противоречат нашим морально-этическим нормам.

Людей, показывающих лучшие примеры, лучшие образцы труда, принято называть у нас маяками, по которым равняются все. Нужно и благородные принципы провозглашенного в проекте Программы морального кодекса строителя коммунизма рассматривать как нравственные маяки для всего нашего народа. И уже сегодня равняться на них.

Маякам — светить!

М. СЕМЕНОВ

ПРЕСТАРЕЛЫЕ МЛАДЕНЦЫ

Из-за океана доносится до нас крупнокалиберная злобная брань. На проект Программы Коммунистической партии Советского Союза долларова печать ответила истерическим припадком брани, лжи и клеветы. Мы говорим: браво, браво, господа, продолжайте в том же духе.

В. И. Ленин любил повторять некрасовские слова о революционном поэте, который ищет одобрения

«Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья».

Скажем откровенно: дикие крики озлобления некоторых лиц в Соединенных Штатах Америки ласкают наше музыкально-сатирическое ухо. Мы были бы крайне разочарованы и даже встревожены, если бы реакционная печать в капиталистических странах одобрительно отозвалась о проекте новой Программы или обошла ее молчанием. Это могло бы означать какой-то промах. Но промаха не могло быть. Его и нет.

Поясним примером. Представьте себе, что мы находимся в тире. На стене висят и расставлены фигурные подвижные мишени. Вот ветряная мельница, пока неподвижная. Вот ворон, который сложил крылья и молчит. Вот паяц, на его дурацком колпаке не звенят бубенчики. Собака оцепенела. На жердочке скорчился безмолвный попугай. Случайный стрелок обстреливает все мишени. Ничто не меняется. Ничто не пошевелилось. Мы говорим: никудышный стрелок, ни одного попадания.

Но вот уверенной рукой, со сноровкой снайпера другой стрелок берет в руки карабин. Он дает словно очередь из автомата по всем мишеням. И вдруг все фигуры пришли в движение. Залаяла собака, ворон захлопал крыльями и закричал: «Никогда!» Мельница замаха крыльями и застучала без помолы, зазвенели бубенчики на шутовском колпаке, и паяц стал дергаться во все стороны. Попугай закачался на жердочке и стал пронзительно кричать: «Утопия, миф, не может быть, попка дурак!»

И мы говорим с удовлетворением: здорово! Сто очков из ста возможных!

Вот такую картину мы наблюдаем и в известной части англо-американской печати. Едва проникли туда первые сообщения о проекте новой Коммунистической программы Советского Союза, как пришли в движение, зашумели, закричали, завизжали все живые мишени.

В английской газете «Дейли миррор» хлопает крыльями и зловеще каркает ворон под именем «Кассандра». По его словам, Программа Коммунистической партии — это только «журавль в небе».

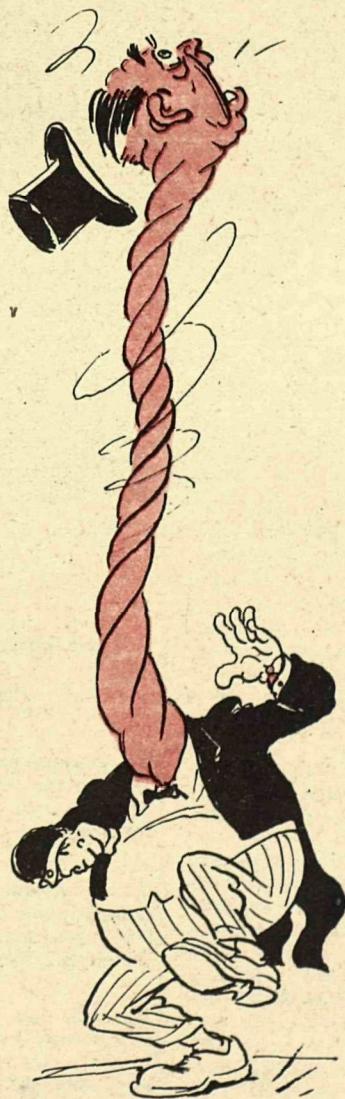
В газете «Дейли скетч» кривляется паяц. Программа коммунизма, пищит он, это только «варенье на завтра». В этом газетном шуме выделяется визгливо-хриплый голос попугая. Он прыгает на жердочке, взъерошенный, злой. Он вопит в «Нью-Йорк таймс» и в других газетах: «Снова эта мифическая утопия...»

До чего же попка дурак! Мы давно знаем этого попугая. Мы слышали его еще в 1917 году, когда русские рабочие взяли государственную власть в свои руки. Попка кричал: «Утопия, миф!» Потом он кричал то же самое, когда советский народ приступил к восстановлению разрушенного хозяйства и к строительству социализма. Попка-дурак повторял: «Утопия, утопия», — когда советский народ начал осуществление семилетнего плана.

Любопытно не то, что все эти попугаи, паяцы и пустопорожние мельницы буржуазной печати повторяют одно и то же, а то, что они преисполнены самой дикой и все более возрастающей злобы. Откуда эта бешеная злоба? Какие части и разделы в проекте Программы заставляют биться в корчах господ содержанцев монополистической буржуазии?

Мы думаем, что всего больше они беснуются из-за той части проекта Программы, в которой идет речь о ближайших перспективах капитализма и социализма. Наши противников приводит в ярость строго научный, объективный анализ мировой экономики, ее тенденций. За сжатыми строками Программы как будто

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Пять... шесть... семь...
восемь... девять...

стоит серьезный исследователь, подобный врачу. Он в белом халате, пронизательные глаза серьезно смотрят за стеклами очков. Он выслушивает по очереди различные социально-политические системы, выстукивает, измеряет пульс и давление.

Он говорит Советскому Союзу: «Прекрасно, молодой человек. У вас отличное здоровье. Ваше сердце, легкие, нервная система, мускулы — все в полном порядке. Вы смело можете идти вперед. Вы отлично закончили первую ступень — построили социализм и теперь с успехом переходите во вторую ступень, в разорванное строительство материально-технической базы коммунизма. У вас прекрасное будущее. Вам не угрожают ни усталость, ни старость. С вашей силой и энергией вы преодолеете все трудности и выйдете на первое место в мире. Желаю вам счастливого пути».

Потом он долго и внимательно выслушивает капиталистическую систему. Он говорит: «Ничего не могу сказать утешительного. Здоровье ваше подорвано. Сердце работает с перебоями, нервная система расшатана до крайности. Жили вы бурно, силы растратили на войны и авантюры».

«Могу ли я еще рассчитывать на долгую жизнь?» — спрашивает пациент.

Доктор говорит, пожимая плечами: «Что же, если будете жить мирно, спокойно, не бросаясь в военные авантюры и в кровопролитие, то еще протянете некоторое время. Большого срока вам гарантировать не могу. А если затеете новую мировую драку, то не обещаю вам и одного года жизни. А вообще, пишите завещание. Это все, что я могу вам посоветовать».

Удивительно ли, что пациент после такого совета теряет спокойствие и готов ползти с кулаками на неприятный для него проект Программы! Это значит лишь, что проект очень метко попал в самое больное место капитализма, и буржуазная печать завывала, как раненый зверь.

Капитализм очень стар, но он не хочет признаваться в этом. Он хочет быть молодым, он румянится, пудрится, красит остатки волос. Но эти средства не помогают. Он боится мирного соревнования с молодой экономикой социализма. На больших дистанциях капитализм начинает задыхаться. Искусственные средства не помогают. Спринтерские темпы социализма приводят хозяев США в бессильную ярость.

Проект Программы на основании точного анализа убедительно доказывает, что старик зажил на свете, что ему пора очистить место для новых социальных отношений. Но мы видим признаки старческой дряхлости не только в цифрах экономического зстоя, в хронической безработице, лихорадочных кризисах. Старчество капитализма выдает себя признаками растущего отупления. Это — старчество, означающее впадение в детство. Ведь известно, что иные старцы начинают лепетать по-детски, кричать, топтать и сучить ножками, когда их что-либо раздражает.

Реакция известной части буржуазной печати на проект новой Коммунистической программы — это реакция старческого младенчества на горькое лекарство. То, что в возрасте до одного года называют очаровательной ребячьей наивностью, то в столетнем возрасте называют слабоумием.

Когда большие и почтенные англо-американские газеты расписываются в своем слабоумии, они подтверждают то, что говорится в проекте Программы о социальном строе, изжившем себя.

Старая, дряхлая и гнилая система капитализма достаточно пожила. Будущее принадлежит молодости. Советский Союз прокладывает путь к коммунизму для всего человечества. Дорогу молодым!

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

КРОКОДИЛ НА ЖАТВЕ:

ЖАТКАМИ ЗАКИДАЕМ

(Два телефонных разговора)

— Алло, Саратов! Добрый день! Готовы ли вы к уборке урожая?

— Всегда готовы!

— Кажется, у вас зерновых три миллиона гектаров с гаком?

— Что нам гак и что нам два! Мы эти гектары жатками закидаем: их у нас двенадцать тысяч да комбайнов столько же.

— А они у вас отремонтированы?

Саратов обиделся:

— Какие вы странные вопросы задаете! Механизмы в полном порядке. Мы уже отработали и рвемся в бой.

Такой разговор состоялся задолго до начала уборки. А совсем недавно, 1 августа, состоялась вторая беседа с Саратовом. Но уже в другой тональности:

— Алло, Саратов! Добрый день!

— Какой там к чертям добрый!

— Как идет уборка?

— Уборка? Идет. Двигается вперед. С каждым днем все меньше необранного хлеба остается.

— А сколько у вас в день одна жатка убирает? В среднем?

— Какая шапка?

— Жат-ка!!!

— Ах, жатка! Ну, как вам сказать... По-разному. Вот с 16 июля по 20 по пять-шесть гектаров в среднем на одну жатку приходилось. А с 21 по 25 уже поменьше. По четыре га.

— Почему же так мало? Вы должны были за четырнадцать дней убрать, а и за двадцать не управились. Еще треть хлеба в поле.

— Какие вы странные вопросы задаете! — обиделся Саратов. — Известное дело, не от нас зависит, от механизмов. Машины подводят. Возьмите совхоз «Индустриальный», Екатеринбургского района. У него из сотни жаток половина работает, а половина неисправна. В Базарно-Карабулакском районе 253 жатки, а в поле выходят 60, от силы 100. Если бы от нас зависело, тогда действительно. А то вся суть в машинах. Вот если бы их загодя подготовить да отремонтировать — тогда да! Жатками бы закидали мы эти самые зерновые!

А. ЧЕРНЫШЕВ

— Полкоролевства тому, кто меня уберет без потерь!

ПОДОЛЬСКАЯ ЗОЛУШКА

Поют о ней песни на Подольи. Поют, восхваляют, королевой называют.

По всей Винницкой области прогремело обязательство: «Дадим по 55 центнеров на двухстах тысячах гектаров».

Посеяли.

Как бы там ни было, с грехом пополам выросла. Не королева — Золушка. В свите у нее бурьян и прочие сорняки. А все равно убирать надо.

В прошлом году кое-где кукурузу убирали при помощи рельса. Тов. Трофимчук, председатель колхоза «Переможець», из Хмельницкого района, видимо, решил и у себя применить это навесное орудие. Не потому ли он с комбайнов «КУ-2А» снял скаты и поставил их на автомашины?

Почти в каждом районе нашлись последователи Трофимчука, поставившие свои кукурузоуборочные комбайны на прикол. С прошлой осени на

полевом стане в колхозе «Маяк», Тульчинского района, сопротивливо маячит комбайн «КУ-2». Такой же бесколесный бедолага врос в землю в колхозе имени Горького, Улановского района.

Иные механизмы превращаются в металлолом по другим причинам. Стоят они на уедах недвижимо. Надо бы отправить их на ремонт в районные отделения «Сельхозтехники», но председатели колхозов не хотят. Не хотят потому, что никакого толку от этого не будет: все равно запасных частей нет.

Бедная Золушка! Не везет ей. С одной стороны, нерадивые руководители колхозов, раскулачивающие уборочную технику; с другой — «Сельхозтехника», по милости которой какой-нибудь сальник для «КУ-2» превратился в проблему.

Б. ЛОБАНОВ

г. Винница.

Злободневные строки

На уборке урожая
Нет лентяя Ермолая,
Этот лодырь с посевной
Не вылезит из пивной.

План засыпки зерносклада
Всесторонне обсужден.
Обсудить другое надо:
Склад дыряв со всех сторон!

Удалось нам снять с полоски
Без потерь свое зерно,
Только жаль — при перевозке
Поубавилось оно:
Загляните на шоссе вы —
Это просто чудеса! —
На шоссе идут «посевы»
Ржи, пшеницы и овса.
Прочь летят с дороги птицы,
Не клюют уже пшеницы.
Есть такое мнение:
Боятся ожирения!

Сергей ШВЕЦОВ

ЧЕМ БУДУТ УБИРАТЬ КУКУРУЗУ В ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ? ♦ ОПАСНОЕ ЖАТКОЗАКИДАТЕЛЬСТВО. ♦ У ТОВАРИЩА БАТЫРШИНА БОДРОЕ НАСТРОЕНИЕ. ♦ ЧТО ДЕЛАЮТ ВОРЫ, КОГДА СТОРОЖ СПИТ.

Оптимист...

В жаркие июльские дни, когда хлеба волновались золотистой зыбью, обещая хороший урожай, директор совхоза «Сокольский», Бугульминского района, тов. Батыршин сделал для печати бодрое, жизнедающее заявление:

— Что касается нас, то мы проведем уборку четко!

Очень приятно было слышать такое заявление. Так и хотелось пойти и пожать директору его мужественную руку.

Но вот началась уборка. И в первый же день в шестой бригаде произошло ЧП: на одном из тракторов лопнул вентиляционный ремень. Тракторист Анисимов носится как угорелый по совхозу. Но тов. Батыршин разводит руками: запасных ремней нет.

Но что ремень! Батыршин забыл подготовить и механизаторов. Пришлось дать сигнал бедствия. Благо, что нефтяники рядом. И вот из Бугульмы прислали 30 механизаторов.

— Ну, теперь-то дело пойдет на лад, теперь-то мы уберем урожай вовремя... если пришлют из Казани 300 рабочих.

— А где свои?

Директор безнадежно машет рукой в сторону села. А там десятки здоровых мужчин и женщин копошатся в своих хозяйствах. Конечно, многие женщины охотно бы вышли на совхозные поля, но не могут: нет в совхозе ни постоянных, ни временных яслей.

Позвольте, а где же тов. Батыршин? Где же этот оптимист и его бодрые заявления? Но оптимист молчит...

С. БАХТИАРОВ

г. Казань.

Уборка «налево»

В колхозе станицы Старомышастовской урожай убирают как положено. Хлеб носят, молотят, сушат, ссыпают в амбары. Картошку копают и складывают в хранилища.

Но есть в колхозе «новаторы», которых не устраивает такой банальный способ уборки. И они вносят в это дело свежую струю.

Когда колхозники убирали фрукты, убирала их и Клавдия Горюва. Она нагрузила сочными, душистыми плодами целую телегу и... отправила это добро к себе домой. Тогда же известные всей станице лоботрясы Виталий Костенко и Николай Костяников украли в артельном саду по мешку яблок. Это был их «метод».

Настала пора убирать зерновые. По-своему проводил эту важнейшую кампанию Дмитрий Проверьев: он носил пшеничку домой в кошелке.

Однажды заместитель председателя колхоза Волков отправился на полевую станцию первой бригады. Зерно здесь охранял Афанасий Бедаш. Делал он это довольно оригинально: его мелодичный храп оглашал окрестности. Еще крепче спал сторож во второй бригаде Яков Бабенко, который был мертвецки пьян.

Не спал лишь сторож, поставленный на охрану зерна в шестой бригаде, Федя Капустин: он мчался на мотоцикле домой, увозя с собой украденные 55 килограммов отборного зерна.

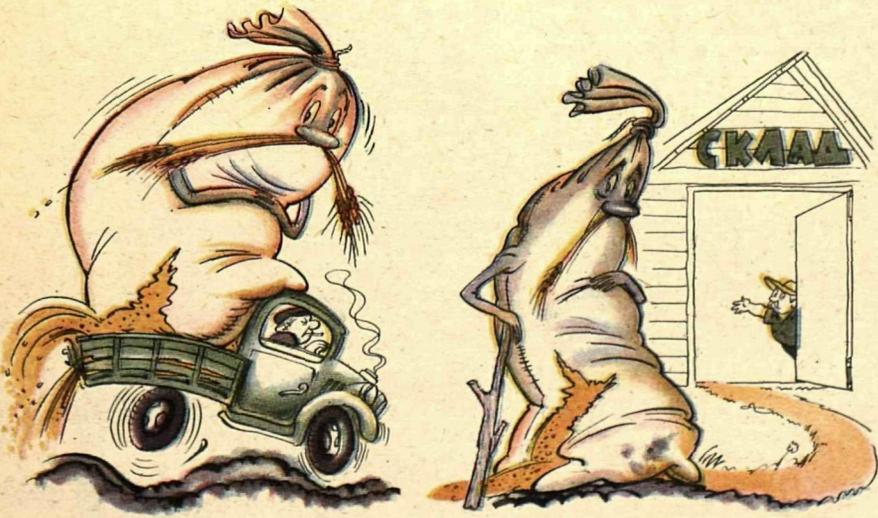
Уже близки к созреванию свекла, подсолнух, виноград, кукуруза. Какая доля будет собрана колхозом и сколько растащат сторонники уборки «налево»? Вот вопрос!

Е. ВАСИЛЬЕВ

Краснодарский край.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Ряд волшебных изменений милого лица.

НЕ В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, А В ПОДШЕФНОМ ГОСУДАРСТВЕ

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Описание каждого государства обычно начинают со сравнения его с другими. На территории государства, над которым я взял шефство, свободно разместилось бы сто двадцать шесть с половиной княжеств Монако. Страна эта представляет собою холмистую равнину, кое-где перерезанную реками и речушками. На берегах речек основаны колонии, населенные утками пекинской породы. Кроме того, государство располагает многочисленными колониями кур.

Климат московский, потому что это государство находится в Московской области, под городом Клином, и официально именуется совхозом «Дружба».

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Не успел я приехать к своим подшефным, как сразу же попал в одно из шести отделений совхоза. На всем пути моего следования стоял почетный караул. Квадратно-гнездовым способом на восьмистах семидесяти гектарах выстроилась кукуруза. Приветливо шумела пшеница. И даже молодая морковь высунулась из-под земли, чтобы на меня посмотреть и себя показать.

Во время вручения верительных грамот между мной и управляющим отделением Владимиром Михайловичем Чепрагиным произошел официальный обмен мнениями.

— Вы мне писали, не отпирайтесь, — сказал я и протянул девятнадцатый номер моего журнала, в котором было опубликовано письмо

руководителей совхоза, просивших взять шефство.

— А я и не отпираюсь, — ответил Владимир Михайлович.

На этом официальная часть закончилась, и мы перешли к деловой.

ПАССАЖИРСКИЙ ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ

Я должен был за первый день объехать десять деревень. Когда мне подали коня, Я скромно выразил сомнение, Что на коне и за три дня Я не объеду отделение.

Но агроном сказал в ответ: — Другого вида связи нет. К бригадам даже телефона Не может подвести район, Зато всегда подводит он. Весь наш совхоз в разгар сезона! Мы в Клин запросов шлем

немало, Да только воз и ныне там: Контора связи Нас связала И по рукам и по ногам... Что оставалось делать мне? Ну, на коне так на коне...

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

На ферме коммунистического труда в деревне Лаврово шла дойка коров. Пахло парным молоком. Семьдесят голов мерно обмахивались хвостами. Мой приход не произвел на них никакого впечатления. Видимо, коровы уже давным-давно привыкли к работникам прессы и одинаково хорошо давали молоко в присутствии представителей любой газеты. В среднем по пятнадцати литров в день. Почти по четыре с половиной тысячи литров в год.

Заведующая фермой Герой Социалистического Труда Вера Семеновна Плеханова провела меня в красный уголок, сверху донизу увешанный грамотами и вымпелами.

— Это все за первые места, — сказала она. — Доярки у нас дружные... Корову любят, понимают... И коровы им взаимностью отвечают. Жаль только, не хватает у нас доярок... И есть у меня к тебе одна подшефная просьба, товарищ Кро-

— А говорят, у меня радиоточки молчат!

кодил: помоги ты нам норму перевыполнить...

— Какая же из меня доярка? — смутился я.

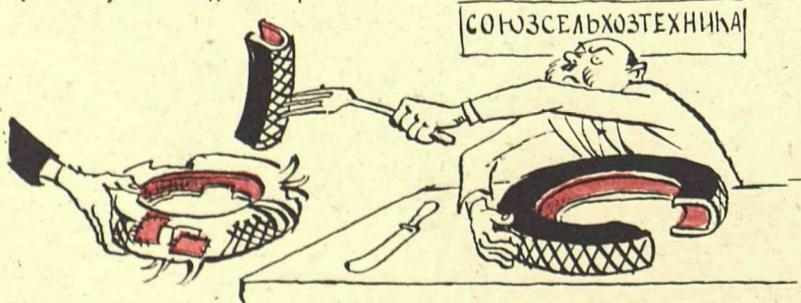
— Да нет, ты не бойся. Мы тебя не просим дояром стать. Помоги нам только электродоилки достать. С ними веселее дело пойдет.

— А в «Союзсельхозтехнике» вам не обещали?

— Обещали! Как не обещать! Только мы до сих пор как-то не приладились их обещаниями коров доить. Так и доим по старинке, руками.

НЕ КРУПНЫЙ, НЕ РОГАТЫЙ, НЕ СКОТ...

Я направился в одно из колониальных владений деревни Конопдино. Колония волновалась. Стоял час кормежки уток. Каждая из трех ты-

Выделил...

сяч водоплавающих почему-то считала, что именно она должна получить пищу первой. Кое-где дело доходило до стычек. Летели пух и перья.

У хозяйек этого птичьего царства Веры Ивановны Яковлевой и Клавдии Михайловны Болиховой явно рук не хватало. Потому что не хватало подвесной дороги и водопровода.

— Полюбуйся, шеф,— сказала одна из хозяйек,— какая у нас красавица утка! Одна к одной! По шестьсот — семьсот яиц в день от них собираем. Один недостаток: есть любят. И пьют неплохо. А корм приходится в тачке возить да по плохому настилу. А о воде и говорить нечего — руками носим. За этот год наш совхоз ни одного метра труб не получил. Труба, одним словом!

ТОРГОВЛЯ

Совхоз вывозит
В Клин, в столицу
За лето тонны овощей.
Сдаст на базы
Мясо, птицу
И множество других вещей.
Поскольку вывоз
Больше ввоза,
Баланс активный у совхоза.
Но прошлый год
И так случилось:
Везет совхоз
Томаты в Клин,
А там кричат:
— Пойдите малость!
Вас много, а Клинторг один!
...Конечно, жаль, что их не два,—
Такой бы разговор не велся!
Но, может, выручит Москва,
Пока свет Клином не сошелся?
Но и в столице
Та же фраза
Шоферам охлаждает страсть.
Забиты базы
До... отказа,
Тут негде овощу упасть.
Дела в итоге плоховаты.
В пути немалый срок истек.
Из дома вывезли томаты,
Домой везут
Томатный сок!

Чтоб в эти дни не повторилась
История недавних дней,
Клинторг! Строй склады,
Сделай милость.
Пора работать по складней!

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ

По мере приближения уборки внешние связи совхоза крепнут с каждым днем. Порою они перерастают в прочно натянутые отношения. Шесть снабженческих отделений «Союзсельхозтехники» в Москве, в Дмитрове, в Подольске и дру-

гих городах оспаривают право снабжать моих подшефных.

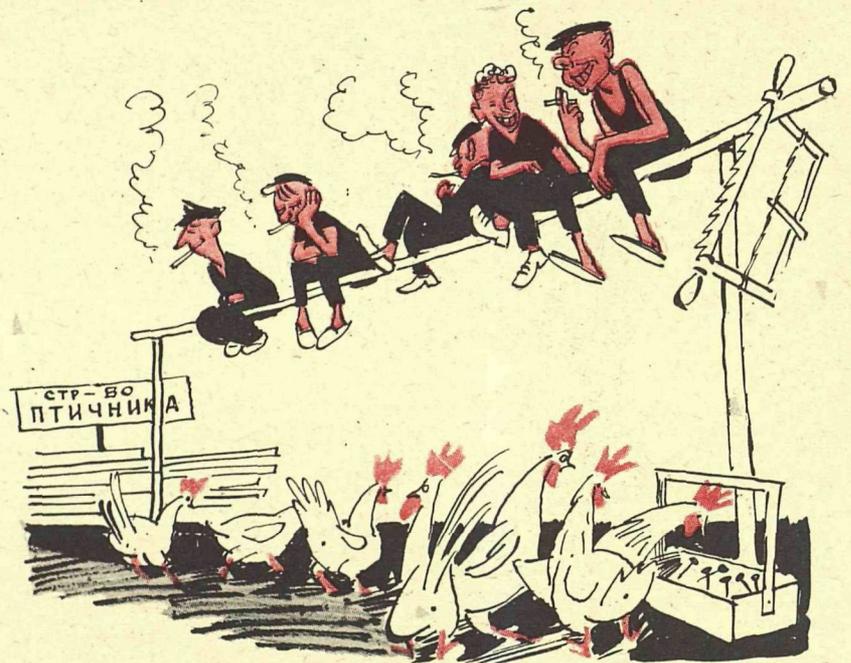
И чем только они не снабжают «Дружбу»! Не снабжают транспортерами для силосоуборочных машин, шинами для автомашин, не снабжают ничем, начиная от простого гвоздя и кончая сложными комбайнами...

Уборочная техника стоит без резины, а «Союзсельхозтехника» выдает ноль целых шесть десятых баллона на одну машину в год.

— А попробуй-ка,— сказал мне главный инженер совхоза Лев Николаевич Покровский,— попробуй-ка убрать на этих шести десятых почти тысячу гектаров кукурузы, две с половиной тысячи зерновых да три тысячи сеяных трав!..

— Ну и как же вы выходите из положения?

— Да вот, спасибо, шефы выручают. К ним запасных частей не надо. Студенты МАИ, рабочие с завода искусственного волокна. Да мало ли у нас и разных других шефов! Вот и ты с вилами прибавился... Кстати, у нас, знаешь ли, даже вил не хватает. Поди купи! Есть в райпотребсоюзе и вилы, и даже гвозди, и колесная мазь есть. Рад бы в этот «рай», да банк не пускает. Потому что обслуживают там только колхозников. А у нас своего «рая» нет...

— Опять насест заняли!

НРАВЫ И ОБЫЧАИ

Несколько дней я знакомился с населением и хозяйством, с нравами и обычаями моего подшефного государства. Меня окружали простые, честные, радушные люди. Они водили комбайны, пололи кукурузу, доили коров, брали первые места в районе и даже получали звезды Героев...

Я заметил, что главный обычай моих подшефных — это трудолюбие.

Неплохой обычай! И это несмотря на трудности. Впрочем, трудности, как известно, бывают разные.

К примеру, у одного из пастухов совхоза две трудности:

- 1) раза три съездить за водкой в город во время дневной пастыбы;
- 2) выспаться во время ночной.

Если учесть, что днем он пасет сразу два стада — общественных теллят и частных коров,— а ночью присматривает за табуном совхозных лошадей, то станет ясно, что эти трудности немалые. И деньги — тоже...

— Как же ты все успеваешь делать? — спросил я у него.

— У меня велосипед!

— Да нет, я не про водку, а про коров с телятами.

— Ну, корова, она что? Корова

и есть корова. С ней ничего не станется.

— А как же ты в ночном спать ухитряешься? Ведь лошадей пасты надо...

Пастух изобразил искреннее удивление:

— Какой же дурак пасет лошадей ночью? Лошадь — скотина умная, дисциплинированная... Она дальше овса не пойдет!

— Ну, а начальство за потрапу ругать будет. Оштрафует...

— Э-э! Тут весь вопрос в том, кто когда просыпается. Начальство, оно когда встает? Часиков в шесть. А ты проснись в половине шестого и иди прямехонько в овес. Там своих лошадок и найдешь... И лошади сыты, и деньги целы!

Конечно, таких «творетиков» среди моих подшефных единицы, и в

совхозном производстве они нули. Тем не менее под ними всеми надо поскорее подвести черту и вычестить с них убытки. Тогда быстрее будут расти цифры трудовых доходов.

А главное, мой подшефный быстрее пройдет тот путь развития, который намечен для совхозов в проекте Программы КПСС:

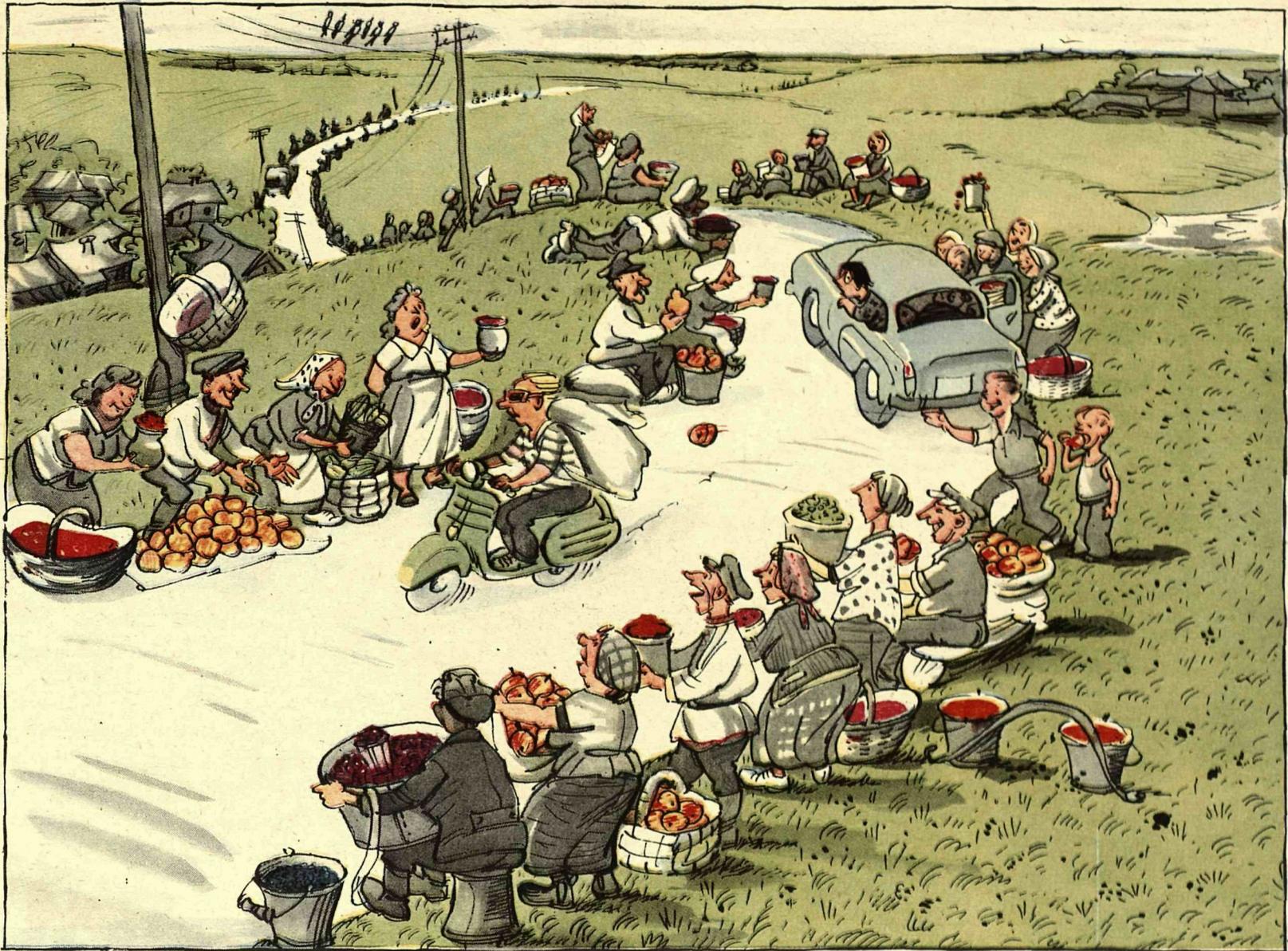
«Поднимется их роль в снабжении продовольствием городского населения. Они должны стать механизированными и хорошо организованными первоклассными фабриками зерна, хлопка, мяса, молока, шерсти, овощей, фруктов...»

За хлопок и шерсть ручаться не буду. А вот мясо, молоко, овощи москвичи от моего подшефного совхоза получат.

Вот во имя этого и установилась у меня, Крокодила, с замечательным коллективом «Дружбы» крепкая дружба.

Крокодила в путешествии по подшефному государству сопровождали А. ВНУКОВ, Н. КНЯЗЕВ, Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

ПОДОРОЖНИКИ

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Дети и отцы

Наши наивные предки крепко верили в силу талисмана. Они были убеждены, что медальон с прядью любимой или ладанка с кусочком ребра святого Иеронима уберегут их от любых житейских неприятностей.

В наше время в этом деле намечились кое-какие сдвиги и, если хотите, достижения. В век атома и синтетики талисманы утратили былую популярность. И лишь отдельные отсталые личности верят в силу магических заклинаний. Например, в чудодейственность такого псалма.

«Вступися, о Господи Боже мой, в тяжбу с тяжбующимися с нами и побори борющихся со мной. Возьми щит и латы и восстань мне... Да обратятся назад и покроются бесчестьем все умышляющие мне зло».

Впрочем, эта страстная мольба, зашитая в штанах Ивана Михайловича Швецова его набожной женой, не предохранила его от превратностей судьбы. И сегодня заместитель председателя Крымского совнархоза — а это именно в его брюках был найден талисман — вынужден пересмотреть свои взгляды на жизнь.

Мы ни на минуту не сомневаемся в том, что И. Швецов в душе стопроцентный атеист, ни на грош не верящий в ахинею, которую ему подсунула жена. Да и путь его от квартиры до совнархоза вовсе не

пролегал через дремучие леса, населенные разбойниками. Почему же он долгое время благоговейно носил при себе клочок бумажки со священной абракадаброй?

Чтобы рассказать о причинах этого странного явления, нам придется совершить небольшой экскурс в недавнее прошлое.

Дьявол-искуситель регулярно появлялся в кабинете И. Швецова в облике гладко выбритого субъекта с пружинистой походкой и загадочной мефистофельской улыбкой. Впрочем, дьявола не интересовала такая субтильная вещь, как душа Ивана Михайловича. Чувствовалось, что дьявол был убежденный материалист. Он хотел только одного: яблок. И побольше! Ибо, как хорошо знал Иван Михайлович, дьявол, по паспорту значившийся Н. Старчевским, состоял в чине старшего товароведа на днепропетровской базе «Гастронома» и проводил через торговую сеть астрономическое количество фруктов. Под нежный шелест сторублевков дьявол совершал очередной сеанс охмурения раба божьего Ивана.

— Три копейки! — ласково предлагал дьявол.

— Семь! — твердо говорил раб божий, не желавший продаваться за гроши.

— Четыре!

— Пять!

Мы должны внести некоторую ясность в этот загадочный диалог. Дело в том, что днепропетровскому дьяволу-искусителю была по плечу лишь реализация фруктов. А снабжать базу фруктами по плечу было только самому Швецову. Захочет — сто вагонов отгрузит, не захочет — половину. А Старчевскому не хотелось половину. Ему хотелось как можно больше. Ибо чем больше яблок отгружал в адрес Старчевского его влиятельный друг, тем быстрее росло число сберкнижек у скромного труженика плодоовощной базы. Благодаря пересортице. Тому самому явлению в торговле, которое вызывает столь пристальное внимание ОБХСС: плохие товары выдаются за хорошие, а разница в цене кладется в карман.

И те загадочные пять копеек, о которых шла речь выше, были платой за каждый килограмм плановых поставок фруктов. Ну, а если Швецову удавалось протолкнуть своему днепропетровскому компаньону сверхплановые вагончики, здесь уже каждый килограмм давал пятнадцать копеек «премиальных».

Грехопадение начальника управления пищевой промышленности совнархоза В. Воронина и старшего экономиста Н. Аврамова началось с того же прибыльного яблочка. Эти люди тоже стали компаньонами Старчевского, и усилия их были направлены на то, чтобы — боже упаси! — не оставить своего днепропетровского наперника без сверхплановых вагончиков.

Из яблок выжимался обильный сок. Соковыжималка системы Старчевского действовала безотказно. За короткое время Швецов открыл счета в десяти сберегательных кассах разных городов на общую сумму в 70 тысяч рублей (в старых деньгах). Он облагораживал свой квартирный быт карельской березой и дорогими коврами, подарив жену шубами и хрусталем. Не отставали от него бойкие подручные — Воронин и Аврамов. Всего компаньоны получили от главы фруктовой корпорации «Старчевский и К^о» свыше 200 тысяч рублей. Ну, а что касается самого босса, то он, нагло обманув своих акционеров, ухитрился завести 29 сберегательных книжек на общую сумму в полтора миллиона рублей.

Теперь читатель, видимо, догадался, почему И. Швецов, будучи убежденным атеистом, тем не менее отдал себя под покровитель-

ство магической бумажки. Авось, уберезет от бдительного ока карательных органов.

Что привело Швецова, Воронина, Аврамова, этих наверняка многоопытных и, по-видимому, неглупых людей, в одну компанию с торговым жуликом?

Когда следователи пришли на квартиру Воронина, они обнаружили огромное, непостижимое количество консервов. Если бы у Воронина и его немногочисленных домочадцев был аппетит Гаргантюа и Пантагрюэля, то и тогда этой продукции хватило бы на целый год.

— Для чего вам такая уйма консервов? — полюбопытствовал следователь.

— Да просто так, — уклончиво ответили домочадцы. — Это нам с заводов присылают... для дегустации...

Конечно, консервы по сравнению с коллекцией сберегательных книжек — мелочь. Но не с них ли, с этих мелких подаяний, началось грехопадение начальника управления? Сначала дегустация консервов, потом другие служебные злоупотребления.

Воронин жил в отличной трехкомнатной квартире, которой с избытком хватало на его семью из трех человек. Однако этой квартиры ему показалось мало. И он переселился в четырехкомнатную квартиру в новом доме.

— Скажите, а куда вы дели старую площадь? — спросил Воронина следователь.

— Как куда? — удивился Воронин. — Конечно, сдал в горисполком!

— А кто в ней сейчас живет? — не унимался следователь.

— Моя сестра, — нежно рдея, ответил Воронин.

Одна сделка с совестью — все сошло благополучно. Другая — тоже обошлось без последствий.

И так катился начальник управления, теряя по дороге жалкие остатки порядочности, пока не докатился до плодородной базы и не попал в лапы Старчевского.

Можно, конечно, патетически воскликнуть: «Куда смотрела партийная организация? Где был местком? Эх, проморгали!» Или еще что-нибудь в этом духе.

Но я подозреваю, что Швецов, Воронин и Аврамов, получив очередную взятку, не бежали докладывать: «Так, мол, и так, получили взятку и поспешили исключить нас из партии». Партийная организация ничего не знала о подпольном товарообороте.

Но есть люди, которые превосходят обо всем знали или, по крайней мере, догадывались.

Я имею в виду сыновей членов фруктовой корпорации. Мне хотелось бы отнести этим весьма любопытным фигурам достойное место в фельетоне.

Нет, сыночки вовсе не помогали своим дорогим папочкам залезать государству в карман. Они не стояли на «стреме» и не помогали понадежнее сохранить украденное. Они вели себя скромно и пристойно, всем своим видом выражая благоговейное почтение к уголовному кодексу. И ни один даже самый дотошный следователь не усмотрит в их деяниях состава преступления.

И все-таки к этим скромным, яснымглазым, аккуратно причесанным и хорошо воспитанным детям у нас есть серьезные претензии.

Это на их глазах грузчики кряхтя вносили столовые гарниры. На их глазах приобретались уникальные пианино и непомерно дорогие фарфоровые сервизы. На их глазах происходил сказочно быстрый процесс обогащения родителей.

Владлену Воронину папочка купил даже легковую машину. Не игрушечную. Всамделишную. На какие доходы? Владлен уже вышел из того возраста, когда охотно верят, что «Победы» и другие дорогие вещи преподносит в подарок добрая фея из старой сказки. Владлен Воронин — инструктор обкома партии, и эта должность обязывала его не верить сказкам и выложить отцу всю правду в глаза.

Но сынок смолчал, очевидно, опасаясь, что папочка поставит его в угол...

Не вступил послушный сын в пререкание с папой, когда тот незаконно получил квартиру. Он купил цветов и бутылку шампанского, чтобы поздравить папочку с новосельем. Он восторгался гулками, просторными комнатами и удобной, сверкающей кафелем кухней. А не ему ли, работнику обкома, знать, что в городе еще не хватает жилой площади даже для тех, кто действительно в ней нуждается?

А что можно сказать о наследнике И. Швецова — Викторе, студенте Московского технологического института пищевой промышленности? Увы, опять-таки ничего лестного. Это возлюбленное чадо пыталось даже выгородить своего папашу и представить его этаким великомучеником, пострадавшим за правду. Однако, как выяснилось позже, чадо помогло отцу хранить на сберкнижке изрядные деньги, добытые нечестным трудом.

Не решились перечить отцу и сыновья Н. Аврамова, работники крымских совхозов, видимо, придерживаясь мудрого, апробированного веками правила: «Яйца курицу не учат».

Это очень трогательно, когда дети почитают своих отцов. Очень хорошо, что они не забывают дарить им на новоселье цветы и шампанское. Но если иного родителя почему-то заносит на тропинку, укрытую от людских взоров, кто, как не дети, самые близкие люди, должны помочь ему выбраться оттуда? Кто, как не они, должны первыми подать сигнал бедствия?

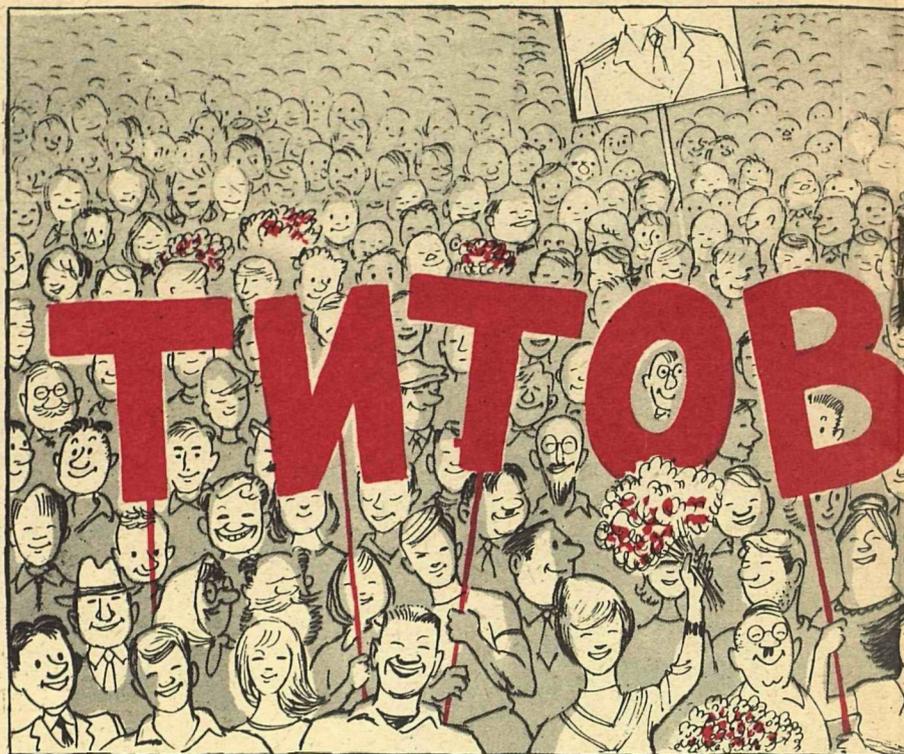
Ведь семья — это не только пухлый семейный альбом с пожелтевшими фотографиями. Это и общая цель, общие радости и тревоги, общие интересы и заботы. И поэтому семья, крохотная клеточка нашего общества, сполна несет нравственную ответственность за чистоту и порядочность каждого своего члена. Семья — родные люди, но это также и коллектив граждан.

Тем более это относится к детям. И тем более к таким детям, которые носят в грудных карманах партийные билеты.

Была бы такая пристрастная взаимная опека в семьях Швецова, Воронина, Аврамова, и она оказалась бы куда более могучим средством предупреждения бед и грехопадений, чем зашитый в брюки псалом Давида или даже ладанка с кусочком ребра святого Иеронима.

В. ТИТОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

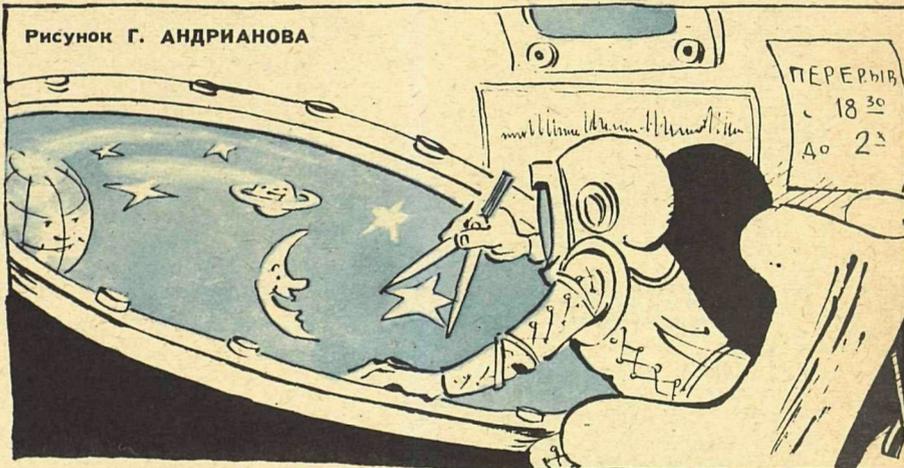
Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Новое слово в освоении космоса.

РАСПОРЯДОК ДНЯ КОСМОНАВТА

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Рабочее место.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

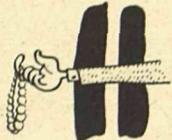
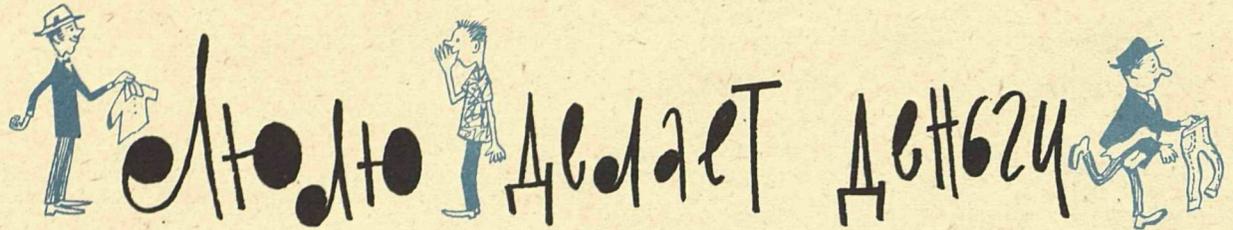
Космический обед.

Рисунок М.

Отдых в созвездии

ЗЕМЛЯ

ЕДАВНО в Одессе произошел такой случай. Один курортник после утреннего купания в море захотел побаловаться фруктами. Завернув плавки в газету и сунув сверток под мышку, он пошел разыскивать городской рынок. В районе привокзальной площади отдыхающий обратился к какому-то гражданину, дремавшему на ступеньках дома, с вопросом:

— Скажите, как пройти на базар?

Тот встрепенулся, как рыбак, у которого клюнуло, и, впившись глазами в сверток, просипел:

— Что продаешь?

Отдыхающий хотел было объяснить, что ничего не продает, но в это время кто-то потянул за сверток сзади. В следующее мгновение гражданин с плавками окружил десятка полтора светлых человечков. Одни мертвой хваткой вцепились в сверток, а другие, схватив беднягу за полы пиджака, дружно потащили его в ближайшую подворотню.

— Караул! Помогите! — дурным голосом завопил обладатель плавков.

— В чем дело? — раздался строгий голос постового милиционера.

Осаждавшие струхнули и бросились врассыпную...

ШАЛАНДЫ, ПОЛНЫЕ КЕФАЛИ

А в это время на подступах к городскому рынку, в обиходе именуемому Привозом, жизнь шла своим чередом. Жуликоватые, востроглазые субъекты прочесывали толпы прохожих, провожая взглядом каждый сверток, сумку, авоську. Наметив объект, они окружали его плотным кольцом и начинали теснить в укромное местечко.

Нет, это не члены добровольного общества действия администрации рынка по борьбе с пе-

рекупщиками. И не помощники милиции, посвящающие свой досуг выявлению тунеядцев. Это они сами — перекупщики, тунеядцы, отпетые спекулянты, или, как их именуют в Одессе, барыги. Торгуют они без прилавков и вывесок, но чуть ли не в каждой подворотне имеют свою «специализированную секцию».

Сутулый мужчина в капроновой шляпе и фиолетовой футболке по кличке «Нос» заведует секцией «Синтетика». Секция скупает и с выгодой перепродает нейлоновые шубы, силовые кофточки и прочие предметы дамского туалета. Некто «Дундук» возглавляет секцию по скупке и сбыту часов, фотоаппаратов и ювелирных изделий сомнительного происхождения. Самоуверенный гражданин по кличке «Володя-Володя», разгуливающий в окрестностях рынка в пижаме и домашних туфлях, руководит секцией «Для семьи, для дома». Секция принимает на комиссию утюги, резиновые грелки, никелированные кровати и прочую домашнюю утварь.

Коммерческие возможности всей этой торгующей оравы неограниченны. Здесь готовы купить все, что можно продать: заграничную авторучку, линейный транспортер одесского завода «Мельмашстрой» и даже шаланду, полную кефали.

С «комиссионкой», раскинувшей свои сети на подступах к рынку, успешно конкурируют другие «фирмы», обосновавшиеся на самом рынке: «Синька — дрожжи», «Лаки — краски», «Гвозди — доски» и прочее. Коммивояжеры разных мастей деловитой рысцой снуют по базару, на все голоса рекламируя самый невероятный товар.

Вы слышали когда-нибудь о торговле словом? На одесском Привозе в ходу и этот товар. Вы идете по рядам, где колхозники торгуют фруктами, овощами, птицей, и вдруг кто-то вам шепчет:

— Продаю слово...

— Какое слово? — недоумеваете вы.

— Мануфактурное...

— Обувное...

— Трикотажное...

За какой-нибудь рубль с полтиной владелец слова сообщит, когда и в каком магазине «выбросят» модные пальто с начесом или остроносые туфли на «шпилечках». В точности купленной информации можете не сомневаться. Слово продается с гарантией. По-видимому, между торговцами эфемерным товаром и работниками некоторых государственных магазинов существует деловое содружество.

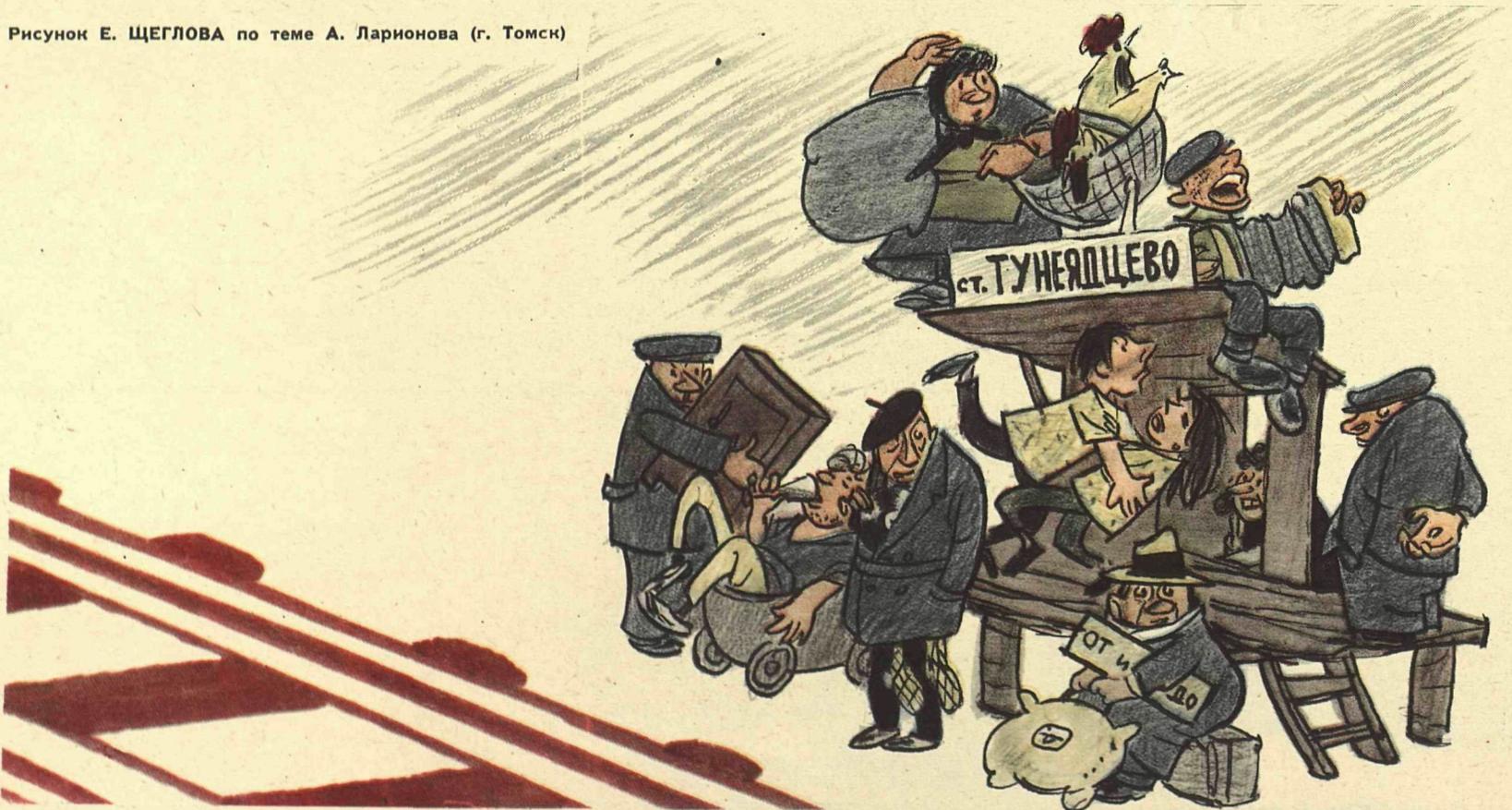
Впрочем, на Привозе гарантируется не только качество товаров, но и полная неприкосновенность самих спекулянтов. Охотники за рублем выходят на промысел рано утром и «трудятся» до позднего вечера (с перерывом на обед). Они действуют, не таясь. С работниками управления рынка они обмениваются приветствиями, как старые знакомые, а в редкие часы затишья горячо обсуждают с постовыми милиционерами итоги последнего футбольного матча.

Вот уже шестнадцать лет у ювелирного киоска на улице Чижикова прохаживается элегантный, с золотым перстнем на пальце «король» Привоза «Люлю», известный в миру под именем Бориса Михайловича Гольдмана. Четырнадцать лет стоит под акацией респектабельный Алексей Семенович Даниленко, или «Алик-золотушник», перекупщик золота и валюты. Шесть лет сидит у рынка вышивальщик Ветнивецкий, сбывающий самодельные иглы.

За это время сменилось четырнадцать директоров рынка, девять заместителей, девять начальников опергруппы милиции. А «Люлю» все так же прогуливается около киоска, «Алик-золотушник» бесшумно стоит на своем посту, и вышивальщик Ветнивецкий по-прежнему сидит на своей табуретке, украшая центральный вход городского храма торговли.

В КОММУНИЗМ — БЕЗ ОСТАНОВКИ!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА по теме А. Ларионова (г. Томск)

На этот поезд они не попадут....

Однажды работница одесской базы «Укробувторга» Н. вместе со свеклой и петрушкой принесла с рынка пару босоножек. Она купила их с рук у симпатичной женщины, которая уверяла, что носила бы туфли сама, но, к сожалению, они жмут ногу. Босоножки были очаровательные: модный носик, спокойный каблучок, блестящая пряжка. А на подошве — внушительный штамп фабрики «Салют».

Коллеги Н., которые, слава богу, знают толк в обуви, при виде этих босоножек пришли в неописуемый восторг. Кто-то тут же предложил послать на фабрику «Салют» заявку с просьбой отгрузить крупную партию босоножек. Однако уже на следующий день стало ясно, что затея с заявкой была преждевременной.

Туфли стали распадаться на составные части. Сперва, где-то по пути из бухгалтерии в плановый отдел, отстал каблук, затем отлетела пряжка, и, наконец, жалко сморщился модный носик. Возмущенные товароведы решили послать на фабрику «Салют» рекламацию. Они вооружились каталогами и, ожесточенно перелистывая страницы, стали искать адрес бракоделов. Но в каталогах обувной фабрики «Салют» не значилось. Товароведы навели справки в других областях и республиках, но о существовании предприятия под таким названием никто ничего не знал.

Мы тоже решили принять участие в поисках таинственной фабрики и показали босоножки сотруднику опергруппы милиции на рынке старшему лейтенанту Чубенко. Внимательно рассмотрев фабричную марку, Чубенко обрадованно заявил:

— Таких босоножек я вам покажу сколько угодно! Это все наше местное производство!

И в подтверждение он вывалил на стол целый ворох туфель всевозможных моделей и расцветок, украшенных штампом «Салют».

Следовало полагать, что подробные сведения об этом предприятии имеет Одесский совнархоз. Но там только беспомощно развели руками. Существование обувной фабрики «Салют» в совнархозе категорически отрицали. Но вместе с тем не могли не признать, что фабрика работает и, судя по всему, даже перевыполняет план. Ее продукцией наводнены все одесские рынки и вестибюли обувных магазинов.

Итак, фабрики нет, а продукция есть. И, кстати, не только обувная. В горфинотделе собрана обширная коллекция всевозможных кофтов, свитеров, плавок и жакетов, реквизируемых у пронырливых продавцов товарами неизвестного производства. Похоже, что в Одессе существует особое управление товаров широкого потребления или даже целый анонимный совнархоз.

Нельзя сказать, что одесская милиция не делает попытки установить адреса действующих втихую кустарей-подпольщиков. Но, к сожалению, местные детективы не достигли на этом поприще сколько-нибудь заметных сдвигов.

Начальник Ильичевского райотдела милиции В. Г. Яровенко образно рассказал о недавнем сражении, разыгравшемся на барахолке. Семьдесят дружинников и восемьдесят фининспекторов сплоченными рядами повели решительное наступление на позиции кустарей. Почуввав недоброе, противник поспешно отступил, оставив на поле боя неисчислимые трофеи: горы тумбочек, вереницы этажерок, обоз оцинкованных ведер и аляповатую копию шишкинских медведей.

Тогда милиция через базарный радиоузел обратилась к владельцам брошенной домашней утвари с просьбой прийти и получить свои вещи. Но, как и следовало ожидать, на этот страстный зов никто не откликнулся. И участники широко задуманной операции по борьбе с кустарями превратились в грузчиков. Кряхтя под тяжестью комодов и столов, они снесли все ценности в контору рынка, превратив ее в склад.

Производители ширпотреба остались неизвестными.

ЧЕТВЕРТОВАННЫЙ ПЕТУХ

Но вот чаша терпения переполнилась. В райисполкомах Одессы приходят к твердому решению:

— Тунеядцев надо заставить трудиться!
«Короля» Привоза «Люлю» приглашают в комиссию по трудоустройству и дают направление на работу. Перекупщик краденого выдвинут в охранники социалистического имущества. Его зачисляют сотрудником межведомственной сторожевой охраны.

Четырнадцать лет «Алик-золотушник» мечтал иметь свое «дело». Комиссия по трудоустройству приняла во внимание его склонности. Золотушника поставили торговать в киоске.

К удивлению членов комиссии, выяснилось, что слоняющийся с утра до вечера на рынке «Володька рыжий» является давнишним работником завода «Молдвино». В подтверждение этого «Володька рыжий» показал членам комиссии положительную характеристику, выданную ему заводом. И только в одном он обманулся.

— Как фамилия директора завода? — спросили члены комиссии.

— Не знаю.

— А главного инженера?

— Тоже не знаю.

— Ну, хоть фамилию бухгалтера, который вам деньги платит, знаете?

И «Володька рыжий» ответил так:

— Фамилию не знаю, а кличка у него «Огурец».

Комиссия по трудоустройству свою работу продолжает. А трудоустроенные Люлю, Алик и Володька почему-то, как и раньше, продолжают оклачиваться на Привозе.

Бывает, что спекулянта ловят с поличным. Некто Халанский покупал с рук и перепродавал через скупочный магазин № 11 часы, фотообъективы, швейные машинки, радиоприемники и баяны. За три месяца он перепродал 176 часов — почти на срок тысяч рублей в старых деньгах. Милиция возбуждает против Халанского уголовное дело. Перекупщику грозит суд. Но тут на сцене появляется прокуратура.

— Ну и что с того, что Халанский купил и перепродал сто семьдесят часов? — удивленно вопрошает следователь городской прокуратуры Радванский. И пишет:

«...эти операции он производил не в целях наживы, а лишь для приобретения практических навыков по ремонту часов, чтобы впоследствии сдать экзамен и получить возможность работать часовым мастером».

Столь же решительно были отмечены и все другие обвинения, предъявленные Халанскому. Оказывается, фотопринадлежностями он торговал потому, что до увлечения циферблатами и маятниками питал страсть к фотографии, а еще раньше был неравнодушен к музыке. И хотя все эти увлечения приносили меломану немалый барыш, следователь Радванский счел возможным уголовное дело прекратить.

Директор рынка Федоровский, опасаясь, как бы бравые коммерсанты под шумок в один прекрасный день не пустили с молотка мясной павильон или молочно-контрольную станцию, обратился за помощью к отцам города. Он направил в горисполком развернутый список тунеядцев, снабдив его комментариями и предложениями. В комментариях он упомянул, в частности, что отдельные спекулянты скупают у колхозников птицу, рубят на части, а затем, торгуя ею по кускам, неплохо на этом зарабатывают.

Вняв этому тревожному сигналу, горсовет решил навести на центральном рынке образцовый порядок и строго постановил: обязать государственные торгующие организации торговать птицей, разрубленной на части.

Торговать разрубленной птицей — это, конечно, неплохая инициатива. Неясно только, будет ли четвертование петухов достаточной гарантией того, что тунеядцам, промышленляющим на рынке, придет конец.

«Прием проходил в обстановке взаимопонимания».

Не так уж далеко то время, когда о рынках мы будем вспоминать с улыбкой, как сейчас вспоминаем о лабазах, конках и хрипящих граммофонах. Но сегодня рынок еще существует, хотя он и далеко не тот, каким был раньше. Сегодня это — советское торговое предприятие.

Если говорить об одесском рынке, то это громадный магазин, который немногим уступает ГУМу и смело может соперничать с ЦУМом. Восемь тысяч продавцов стоят за прилавками этого магазина! Восемь тысяч колхозников стремятся порадовать плодами своего труда горожан! Восемьдесят тысяч покупателей — трудящихся Одессы — ежедневно уходят отсюда с провизионными сумками, наполненными витаминами, жирами, белками и углеводами.

Но руководители города, по-видимому, продолжают смотреть на рынок как на допотопную барахолку, где каждому вольно барышничать чем угодно и как угодно. Не этим ли объясняется то, что рынку уделяется внимания меньше, чем любому галантерейному киоску или тележке с газированной водой? Не потому ли вокруг рынка беспрепятственно орудуют типы из прошлого с воровскими кличками? И не поэтому ли здесь в открытую зазывают покупателей кустари-коробейники, предлагая товары, изготовленные из государственного сырья?

Зло нужно своевременно пресекать. Оградив рынок от людей, не желающих приобщаться к честной трудовой жизни, власти предотвратили бы возможные преступления. В Одессе этим как будто бы занимаются. Но как? Продавцов кустарными изделиями ловят, а сами кустари остаются в тени. Тунеядцев «трудоустраивают», а они по-прежнему с утра до ночи подвизаются на Привозе. Спекулянтов привлекают к ответственности и тут же поспешно находят обстоятельства, смягчающие вину.

А в результате всех этих «решительных мер» тунеядцы и перекупщики разгуливают по рынку, как по собственной кухне: в полосатых пижамах и домашних тапочках.

А. ГОЛУБ, Б. ДАНЕЛИЯ,
специальные корреспонденты
Крокодила

г. Одесса.

ЗА ВИТРИНОЙ КАПИТАЛИЗМА

Монополисты ведут паразитический образ жизни, поглощая вместе со своей челядью значительную часть национального дохода, создаваемого трудом пролетариев и крестьян.

(ИЗ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ КПСС.)

ОДИННАДЦАТЬ БЕЛЫХ, ОДИННАДЦАТЬ ЧЕРНЫХ...

Одиннадцать белоснежных колпаков. Одиннадцать белых рыцарей ножа, вилки и ложки. Одиннадцать творцов кулинарного шедевра, именуемого «филе миньон Россини» и изготавливаемого в двадцать две руки. Каждая пара рук вносит свою лепту в создание супер-экстра-филе. «Анри нарезает ломтиками филе. Жозеф рубит мелко трюфели. Андреэ процеживает мадеру. Рене следит за тем, как трое названных выполняют работу». Остальные семеро не названных тоже не сидят без дела. И в результате на серебряном блюде почетному посетителю так называемой «дубовой комнаты» («Оук рум») — святая святых фешенебельного ресторана «Плаца» — подается гастрономическое чудо. Пища если не богов, то миллиардеров!

Обо всем этом, глотая слюнки восхищения и завистливо облизываясь, сообщает журнал «Нью-Йоркер» в подписи под фото, перепечатанном выше.

Говорят, что одним из тончайших ценителей филе в «Оук рум» является Нельсон Рокфеллер. Но не похоже что-то, чтобы на принадлежащих мистеру Рокфеллеру рудниках в Конго слышали что-нибудь о «филе миньон Россини» или хотя бы знали, с чем его едят...

Одиннадцать черных пустых, вздутых с голоду животов. Одиннадцать черных полускелетиков. Одиннадцать чудовищно иссохших от недоедания конголезских ребят... Вот она, черная нужда!

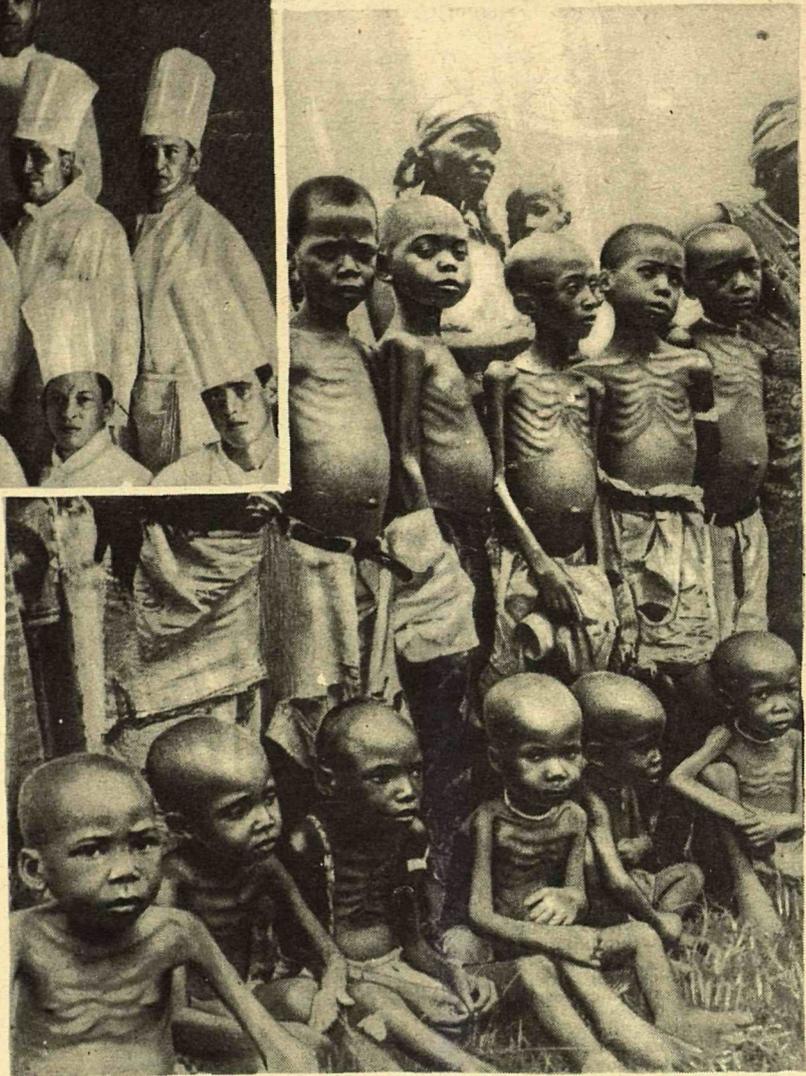

Нет, мы знаем: эта фотография из журнала «Актуель» не испортит аппетита мистеру Рокфеллеру и его сотрапезникам в «дубовой комнате» ресторана «Плаца». Но им никуда не спрятаться от голоса правды, прозвучавшей на днях на весь мир:

«Если XX век — век колоссального роста производительных сил и развития науки — еще не покончил с нищетой сотен миллионов людей, не принес изобилия материальных и духовных благ всем людям на Земле, то в этом повинен только капитализм».

И, в частности, те господа, которые смакуют изысканные филе на серебряных тарелочках в задних комнатах ресторана «Плаца».

Лев КАССИЛЬ

«Спекуляцией на лозунге самоопределения занимаются закоренелые противники национального единства германского народа. Сейчас этот лозунг не сходит с уст канцлера Аденауэра, который вкладывает в него вполне определенный смысл — поглощение Германской Демократической Республики».

(Из выступления Н. С. ХРУЩЕВА по радио и телевидению 7 августа 1961 года.)

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Зловещий смысл.

МИМ ИЗ КАЛИФОРНИИ

В ЮНОСТИ Бобби подавал большие и разнообразные надежды. В Гарвардском колледже он выбился в капитаны студенческой хоккейной команды.

— Бобби будет спортивной звездой, вот увидите! — говорили почитатели его талантов.

Но вдобавок к спортивным доблестям у Бобби Гросса прорезался талант мима. Приняв душ и переодевшись после матча, Бобби выходил на подмостки любительского театра. Надувая щеки, он с натугой тянул из воображаемого колодца воображаемое ведро. Получалось похоже. Публика смеялась и хлопала в ладоши.

— Твое будущее на сцене, малыш! — говорили благодарные зрители.

Профессура же Гарвардского университета полагала, что Бобби станет не мимом и уж подавно не спортивной звездой, а искусствоведом. Профессора верили в это так твердо, что присвоили Роберту Гроссу звание бакалавра искусств.

Бобби обманул надежды одних, других и третьих. Он стал фабрикантом смерти.

Дурная наследственность оказалась сильнее мимолетных мальчишеских увлечений. Отец Бобби был крупным бостонским финансистом. Он пристроил сына в Бостонский коммерческий банк. Здесь бакалавр искусств овладел наименее изысканным из искусств — искусством делать деньги.

К тридцати годам он сделал свой первый миллион. В отличие от ведра, которое он тянул на сцене любительского театра, миллион был отнюдь не воображаемый. О, нет, это была настоящая, хрустящая тысяча тысяч долларов!

Но, как на всяком раннем произведении неокрепшего таланта, на первом миллионе еще лежала печать творческих исканий молодого финансиста. Миллион был сделан еще не вполне уверенной рукой. Угольные шахты Колорадо, куда Роберт Гросс вкладывал свои деньги, приносили ему неплохие дивиденды, но все же это был не тот золотой фонтан, о котором грезил честолюбивый сын бостонского финансиста. Где оно, то волшебное место, куда надо постучать каблуком, чтобы забил золотой гейзер? Роберт Гросс брел на ощупь, ошибаясь и падая, но в конце концов его не подвел. Авиация оказалась ему куда более перспективным делом, чем уголь.

Роберт Гросс основал компанию «Викинг Боут», производящую спортивные гидросамолеты. Это был шаг в верном направлении, но в неверно выбранное время. То было начало 30-х годов, разгар чудовищного по масштабу кризиса, потрясшего капиталистическую экономику. Когда миллионы людей сели на хлеб и воду, выпускать для продажи самолеты, садящиеся на воду, было грубым просчетом. «Рынок сбыта гидросамолетов подвергся депрессии, а вместе с ними и большая часть миллионов Гросса», — так подытожил журнал «Тайм» этот период деятельности Роберта Гросса.

Отдыхавшись и оглядевшись, Гросс заметил, что неподалеку от него испускает предсмертные хрипы другая авиационная фирма, рухнувшая под ударами кризиса. Она называлась «Локхид эйркрафт корпорейшн» и владела заводским в штате Калифорния. За сорок тысяч долларов Бобби скупил разорившуюся фирму вместе с ее вывеской и заводиком в Бербанке, на котором работало всего лишь 15 человек.

Так Роберт Элсворт Гросс стал хозяином фирмы «Локхид».

Но это был еще далеко не тот «Локхид», который мы знаем сегодня. Говорят, что все молодое очаровательно, и даже трехмесячный детеныш гиены по-своему умилителен. Каемся, нам не довелось видеть гиену в столь нежном возрасте. Но что касается фирмы «Локхид», то действительно ее деятельность

поначалу носила невинный характер. Роберт Гросс начал с выпуска маленького пассажирского самолетика «Электра».

Машины «Электра» были милыми, но, увы, убыточными созданиями. Их не покупали. Творческие искания продолжались, и в конце концов из-под каблука хозяина фирмы «Локхид» все-таки забил желанный золотой фонтан. Это произошло тогда, когда Гросс прикатил из Калифорнии в Вашингтон и постучал в нужное место — в военное министерство. В 1935 году Гросс выпустил свой первый военный самолет — истребитель «Лайтнинг» — и после этого на долгие-долгие годы забыл такие слова, как «кризис» и «убытки».

Период ученичества окончился. Бывший мим, хоккеист и бакалавр искусств становится фабрикантом смерти. Человек нашел свое призвание.

Блестящий сбыт бомбардировщиков «Хадсон» и «Летающая крепость» утвердил Роберта Гросса в мнении, что он на верном пути. Его заводы растут и множатся. Годовой оборот фирмы приближается к миллиарду долларов.

Послевоенный спад ненадолго огорчил Гросса. Он верил в свое правительство и в свой строй. Он был уверен, что очень скоро понадобится, и точно знал, для чего. Он не обманулся.

В годы войны в Корее компания «Локхид» получила заказов на два миллиарда долларов. И пошло и поехало! Днем и ночью работают лаборатории и заводы Гросса.

В некогда тихом Бербанке, где когда-то пятнадцать рабочих неторопливо мастерили из фанеры самолеты-малютки, тысячи рабочих собирают баллистические ракеты. В этом же городе под лучами роскошного калифорнийского солнца расползлась главная контора процветающей фирмы.

Бывший бакалавр искусств менее всего склонен к лирическим отступлениям в область мирной гражданской продукции. Нет уж, хватит, он достаточно обжегся на спортивных гидросамолетиках, пассажирских малютках и прочей ерунде. Он гонит одну только военную продукцию, причем самую зловещую. Ракеты? О, да, конечно! Но не для каких-то там космических исследований, а «Поларисы», которыми вооружены атомные подводные лодки. Спутники? Гросс обеими руками «за». Но только не за летающие в космосе лаборатории. Роберт Гросс берет подряды на создание спутников-шпионов «Мидас» и «Самс».

Естественно, Роберта Гросса не очень радует репутация вампира, питающегося людской кровью. Он хотел бы предстать перед публикой как милый, душевный и культурный человек. На вопрос интервьюера: «Ваши любимые занятия?» — он отвечает:

— Играю по слуху на пианино. Люблю музыку Вагнера и Гершвина. Ну, что еще? Собираю произведения современной живописи.

— Верите ли вы в бога?

— О, разумеется! Разве вы не знаете, что я член епископальной церкви? А однажды я сам вел службу в церкви святого Павла у нас, в Калифорнии.

Не верьте Роберту Элсворту Гроссу! Его потуги изобразить мягкого, интеллигентного и богобоязненного человека — это не более чем мимическое действие. Одна видимость. Иллюзия. Как то мнимое ведро, которое он тащил из мнимого колодца.

«Империализм взвалил на народы неслыханное бремя вооружений». К этим ясным и четким словам проекта Программы КПСС можно добавить, что в отличие от народа рыцарь гонки вооружений Роберт Гросс испытывает единственное бремя — бремя сверхприбылей. И денно и нощно молится на Костяную с баллистической косою в руках.

А что касается его истинных увлечений и

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО.

привязанностей, то таковые имеются, но это отнюдь не Вагнер и даже не Гершвин. Плод тайной любви фабриканта смерти — это «черный джет», самолет «У-2», который без лишнего шума выпускает его фирма.

Американское правительство заявило о запрещении шпионских полетов «У-2». В мае нынешнего года журнал «Тайм» тихо и мирно сообщал: «Знаменитый самолет «У-2» больше не летает над Советской Россией. Он спокойно летает в районе от Аляски до Австралии с целью изучения погоды. Следующим шагом будет контроль над зарождением штормов».

И опять мимическое действие. Кривлянье с целью создания ложной видимости. Иллюзия, которую разрушил корреспондент английской газеты «Ивнинг ньюс» Макдональд. Он узнал и сообщил, что «спустя 13 месяцев после инцидента с Гарри Пауэрсом самолеты «У-2» летают всего за 55 миль от советской территории и фотографирование советской территории под углом не представляет для них никакой трудности».

Если бы художник задумал изобразить Роберта Элсворта Гросса в окружении близких ему людей, ему пришлось бы слева и справа от бакалавра смертоносных искусств нарисовать западных немцев — Мессершмитта, Дорнье, Хейнкеля и Флика, — а также господ из японских концернов Мицубиси и Кавасаки. Гросс весьма выгодно продал этим фирмам чертежи своих реактивных самолетов и право на их производство. Довольны западногерманские и японские военнопromышленники: они снова заняты любимым делом. Доволен Гросс: он в прибылях. Сладко дремлет одуроченный западный обыватель: ему снится, что японские и западногерманские милитаристы находятся под жестким контролем и не представляют никакой угрозы для мира. Как же, ведь им даже не разрешают производить военные самолеты их собственной конструкции!

Между тем клиент Гросса — один из владельцев концерна Кавасаки, — прочитав советские предложения о полном и всеобщем разоружении, в ужасе воскликнул:

— Случись такое, нам слез не хватит, чтобы выплакать наши огорчения!

Тот же кошмар терзает душу мистера Роберта Элсворта Гросса.

...Если есть еще люди, которые искренне недоумевают, почему США не принимают простые и ясные советские предложения о разоружении, пусть они вспомнят бакалавра смертоубийственных искусств мистера Роберта Элсворта Гросса. И тогда им многое станет яснее.

М. ВИЛЕНСКИЙ

НЕЧТО ТЕАТРАЛЬНОЕ

ЖАЖДА ИСКУССТВА

(Подслушанный у дверей театра диалог)

ПЕРВАЯ. Антрисе Смилдзинь не следовало бы шить такое платье. Она такая полная. Фи, на что это похоже!

ВТОРАЯ. А прическа? Ужас! Настоящее пугало!

ПЕРВАЯ. У нее, говорят, поклонник!

ВТОРАЯ. Вы шутите?!

ПЕРВАЯ. А регистрироваться и не думает!

ВТОРАЯ. Ай-яй-яй, скажи, пожалуйста!

ПЕРВАЯ. А он молодой... Мне гардеробщица сама рассказывала. И блондин! И у него есть

другая...

ВТОРАЯ. А что же Смилдзинь?

ПЕРВАЯ. Узнаем. Гардеробщица мне все, все... Ну хорошо, дорогая, когда же мы опять пойдем в театр?

ВТОРАЯ. Завтра же! Я так люблю театр. Театр для меня все! Я без искусства не могу жить ни секунды!

ПЕРВАЯ. Я тоже! Я тоже!

ТЕАТР И СОВРЕМЕННОСТЬ

— Кто смеет утверждать, что нашему театру чужда современность? — сердился режиссер. — Судите сами! Стены феодального замка мы теперь изготавливаем из пенопласта, жабо — из нейлона, а кольчугу — из новейших пластмасс!

УДИВИЛ

- Принес вам свою первую пьесу.
- Какой сюжет?
- Она любит его, а он...
- А он любит другую?
- Нет. Он тоже любит ее.
- Это оригинально!

Перевела с латышского О. ВЕРЗА

(Из журнала «Дадзис»).

Не поделили.

Дьердь МИКЕШ

НА ПЛЯЖЕ

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Еле ноги унес.

Рисунок М. УШАЦА

По привычке.

В АЛЯЯСЬ на животе на зеленой лужайке пляжа, муж жевал правинику. По спине его разгуливали муравьи. Небо было безоблачно-синим. Рядом с мужем, поджав по-турецки ноги, сидела жена и разглядывала купальщиков. Вдруг она заговорила:

— На будущей неделе надо будет купить топливо. Не успеешь оглянуться, как грянет зима. Мы купим брикеты или кокс?

— Брикетты,— лениво зевая, ответил муж и спросил:— Ты не намажешь мне спину мазью для загара?

— А почему не кокс? У Зеленаков топят коксом, и у них всегда жарко, как в бане... А взяла мы вообще мазь для загара?

— Тогда купи кокс,— хрипло пробормотал муж, наполовину прикрыв глаза.— Мазь у тебя в сумке...

Женщина долго копалась в сумке, пока наконец не нашла склянку с мазью, а затем медленно, торжественно, со знанием дела принялась намазывать спину мужа.

— Так ты говоришь, заказать кокс? — озабоченно пробормотала она.— Я думаю, в нашей печке лучше горят брикетты...

Мимо пробежали три изящные загорелые блондинки. Одна из них на минуту приостановилась и, растопырив пальцы, сделала мужчине «нос».

— Я тебя о чем-то спрашивала! — окликнула жена заглядевшегося на блондинок мужа.— Значит, мне не покупать брикетты?

— Купи брикетты,— простонал муж, а затем, тяжело дыша, спросил:— Мы не пойдем окупнуться?

— Сначала договоримся о топливе,— ответила жена голосом, не терпящим возражений, и плепнула мужа по лопаткам.— Брикетты или кокс?

В этот момент шесть девушек продефилировали непосредственно перед носом мужа, который мог увидеть только двенадцать девичьеских щиколоток разной формы и шестьдесят пальцев да услышать их голоса, когда они щебетали, перебивая друг друга.

— Купим кокс,— умоляюще проговорил муж, истекая потом.— Но откуда ты зна-

ешь, что в этом году будет зима? В истории земли уже не раз случалось, что в какой-то части света совершенно изменялся климат. Что будет, если нынешней зимой у нас станет так жарко, как в тропиках? Мысленным взором я вижу, как мы проводим рождественский вечер здесь, на пляже, при температуре плюс сорок градусов в праздничных купальниках и тут же, на пляже, поедаем праздничный рулет с маком... Знаешь что? Не покупай ни кокса, ни брикетов. Надо было бы купить к зиме несколько бочек пива...

— С тобой ни о чем нельзя серьезно разговаривать! — рассердилась жена.— А зимой, ты первый начнешь ворчать, если в квартире холодно. Я тебя серьезно спрашиваю: брикетты покупать или кокс?

— Брикетты...

— А может, лучше кокс?

— Хорошо, пусть кокс...

Где-то близко жужжала пчела, и репродуктор уже в пятнадцатый раз передавал «Хорошенькую девчонку». И тут муж увидел мираж: он стоял на голове среди группы девушек, которые также стояли на головах.

— Я думаю, все же купим брикетты... И потом нужно купить зимнее пальто. И не одно, а несколько. Мне, тебе и детям...

— Зимнее пальто? — прохрипел муж запекшимися губами, уставившись горящими глазами в небо.

— Да, хорошее теплое зимнее пальто,— продолжала женщина,— может быть, из ратина, с подкладкой и на ватине. А может быть, ты хочешь тулупчик на меху?

— На меху?.. — измученно прошептал мужчина и хотел повернуться, но у него уже не было сил.

— На меху! — услышал он издали.— Овчина теплая, в ней не замерзнешь...

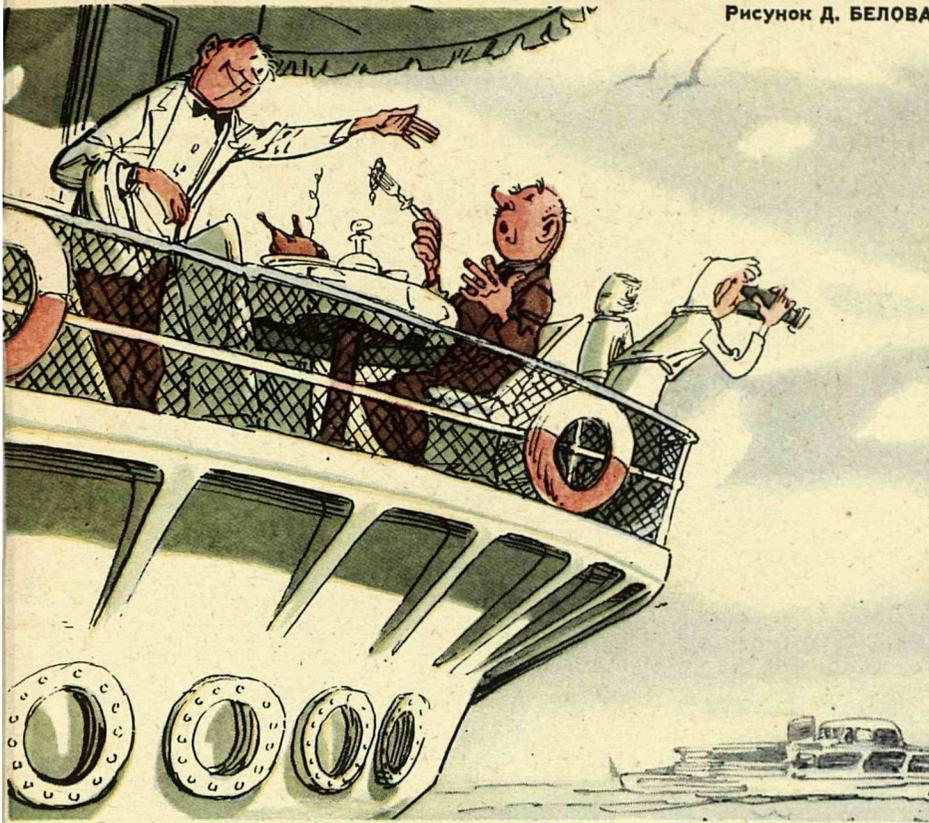
Муж не проронил ни слова. В полуобмороке он валялся на зеленой лужайке. Жена сидела рядом, словно каменная статуя, и спрашивала:

— Брикетты купить или кокс?

Перевела с венгерского
Е. ТУМАРКИНА

СЛАБОЕ УТЕШЕНИЕ

Рисунок Д. БЕЛОВА

— Салат несвежий, курица несвежая!..
— Зато воздух свежий!

Н. ПОЛОТАЙ

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ!

Стиляга на мосту стоял.
Под ним—вода «светлей лазури»!
А он... плывал. Весь день плывал
от избытка слюны и дури.

А может быть
[пока предположенье!],
в реке

СВОЕ
увидел отраженье!..

**ОТВАЖНЫЙ
БРАДОБРЕЙ**

— Я,—
гордо парикмахер
говорил,—

всю жизнь
начальство
против шерсти брил!..

г. Симферополь.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА по теме читателя Ю. Степанова.

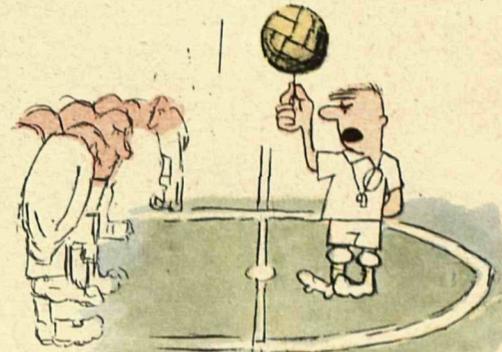

Воспитание рекордсмена.

Рисунки С. АЛЕКСАНДРОВА

— Я хотел бы сделать несколько критических замечаний в адрес нашего директора.

— Последний раз спрашиваю: кто накачал мяч водородом?

ПРИСШЕСТВИЯ

Редакция журнала Крокодил выражает глубокое соболезнование директору Кунгурской станции искусственного осеменения животных Евгению Васильевичу БЕЛЯВЦЕВУ по случаю постигшего его горя: безвременной трагической гибели трех принадлежащих ему кур.

Как это случилось?

Потрясенный страшным известием о тяжелой утрате, которую понес директор Кунгурской станции искусственного осеменения животных Е. В. Белявцев, Крокодил немедленно связался с очевидцами разыгравшейся трагедии. Они и передали редакции волнующий документ, повествующий во всех подробностях о случившемся:

«Составлен настоящий акт в том, что нами, старшим ветврачом Кунгурской станции искусственного осеменения Спициным С. Г., старшим зоотехником Васильевым В. А., в присутствии курятницы Шаровой сего числа произведен осмотр останков трупов трех кур, принадлежащих директору Кунгурской станции Белявцеву Евгению Васильевичу.

При осмотре обнаружены остатки конечностей и пуха.
Причина гибели: днем, в 12 часов, собаку по кличке Джек, принадлежащая Кунгурской станции искусственного осеменения, сорвалась с цепи и данных кур задавила, которые находились на улице.

На что и составлен настоящий акт.
Старший ветврач (подпись).
Старший зоотехник (подпись).
Курятница (нет подписи).

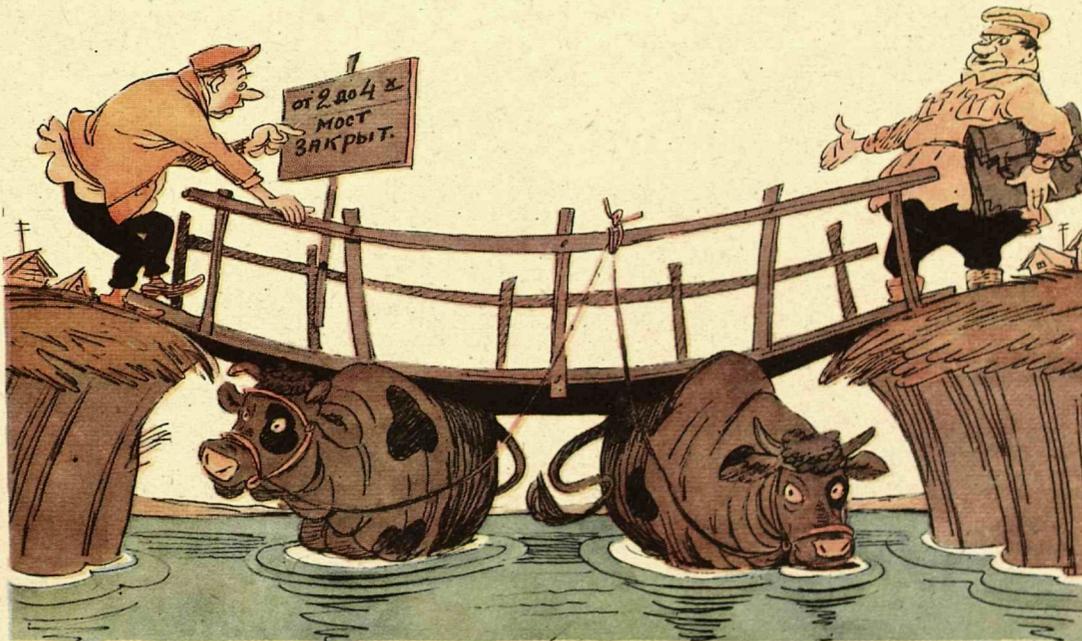
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ввиду того, что куры, принадлежащие тов. Белявцеву Е. В., были съедены собакой станции, а поэтому взамен задавленных кур станции возвратит кур в количестве 3 (трех) голов тов. Белявцеву Е. В.

Ст. ветврач (подпись).
Ст. зоотехник (подпись).
Курятница (нет подписи)».

Горе осиротевшего директора станции не поддается описанию, но он нашел в себе силы и мужество ознакомиться с актом и начертать на нем собственноручную резолюцию:
«Утвердить. Белявцев».

Одно осталось непонятным: какое наказание понес главный виновник — сторожевой пес станции Джек? И где гарантия, что он не нанесет нового «ущерба» совхозным руководителем?

В. ЛОМОВА

— А почему с перерывом!
— Быки обедают!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Главный редактор—М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00303. Изд. № 1023. Подписано к печати 9/VIII 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Заказ № 2032. Тираж 1 500 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

19 АВГ 1961

29810 ЖС

Главное идейно-политическое оружие империализма — антикоммунизм...

Под этим черным знаменем объединились ныне все враги социального прогресса: финансовая олигархия и военщина, фашисты и реакционные клерикалы, колонизаторы и помещики, все идейные и политические пособники империалистической реакции.

ИЗ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ КПСС.

Всесоюзная
Книжная палата
контроль экземпляров
1961 г.

Рисунок Ю. ГАНФА

КУРС... НА ТОТ СВЕТ.

Цена номера 12 коп.